

Скипина Ирина Васильевна

доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета

Московкин Владимир Васильевич

доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета

**РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА
В ВОЕННОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ
НА УРАЛЕ ЗИМОЙ 1918–1919 ГГ.**

Skipina Irina Vasilyevna

D.Phil. in History, Professor,
National History Subdepartment,
Institute of History and Political Sciences,
Tyumen State University

Moskovkin Vladimir Vasilyevich

D.Phil. in History, Professor,
National History Subdepartment,
Institute of History and Political Sciences,
Tyumen State University

**THE ROLE OF HUMAN FACTOR
IN MILITARY CONFRONTATION
IN THE URALS IN THE WINTER OF
1918–1919**

Аннотация:

В статье анализируется степень участия человеческого фактора в годы гражданской войны на Урале. Установлено, что преимущество зимой 1918–1919 гг. было у той воюющей стороны, которой удалось обеспечить себе поддержку среди населения. В числе эффективных методов значатся суровые наказания для дезертиров, а также средства пропаганды, которые оказались более результативными для Красной армии.

Ключевые слова:

Красная армия, Урал, гражданская война, зима 1918–1919 гг., человеческий фактор.

Summary:

The article analyzes the role of human factor during the civil war in the Urals. It is established that the advantage in the winter of 1918–1919 was gained by that party in the war, which managed to find support of the population. Severe punishment of deserters and means of propaganda were applied as influence measures, which turned out to be more effective in the Red army.

Keywords:

Red army, the Urals, Civil war, winter 1918–1919, human factor.

В современных исторических исследованиях наблюдается процесс актуализации изучения истории гражданской войны с учетом ее влияния на людей и на социум в целом. Это позволяет переосмыслить многие стороны вооруженного противостояния, рассмотреть их с учетом роли человеческого фактора, используя антропологический подход к исследованию данной проблемы.

Гражданская война представляет собой один из самых трагических периодов российской истории. Начавшись весной 1918 г., она вовлекла в конфликт практически все население страны. Осенью 1918 г. социально-экономическое положение в России ухудшилось, Красная армия одно за другим терпела поражения на фронте [1].

В Омске 18 ноября 1918 г. произошел военный переворот, в результате которого к власти в Сибири и на Урале пришел адмирал А.В. Колчак, а конце ноября белогвардейцы перешли в наступление на правом фланге Восточного фронта. В результате произошедшего в крайне тяжелом положении оказались части Красной армии на направлении на Пермь. Советское руководство Урала пыталось поддерживать отступавшие войска. Коммунисты Перми были переведены на казарменное положение. На подступах к городу строились оборонительные сооружения, но стремительное наступление Колчака и восстание местных крестьян, не желавших помогать военным, еще более усугубили ситуацию.

Красноармейцы некоторых частей, поддавшись белогвардейской пропаганде, отказались воевать и перешли на сторону противника с полным вооружением. В числе перешедших значатся 10-й Советский Кавалерийский полк, два батальона 1-го Морского Кронштадтского полка, Штаб Пермской дивизии в полном составе и другие части. Отдельные полки отказывались идти в наступление [2].

Успешному наступлению белых способствовали события, происходившие на Мотовилихинском оружейно-механическом заводе. Вслед за ижевцами и воткинцами рабочие Мотовилихи, доведенные до отчаяния постоянным недоеданием, нехваткой зимней обуви и одежды, арестами и угрозами расправы, недовольные сложившимся положением, решились протестовать. Больше-

вики не стали медлить, и в ночь с 5 на 6 декабря 1918 г. завод был объявлен на военном положении. Начались расстрелы «контрреволюционеров». Всё свидетельствовало об эскалации гражданского противостояния с обеих сторон. Впоследствии участник обороны Перми П.И. Студитов отмечал, что при подходе белых нашлись предатели, которые «открыли с полигонов Мотовилихинского завода по Перми артиллерийский обстрел» [3]. В результате Третья армия, потеряв 50 % своего состава, оставила Кунгур, а 25 декабря и Пермь. С падением Перми возникла реальная угроза потери большевиками Урала.

В связи со сложившимся на Восточном фронте положением в начале января 1919 г. в Вятку прибыла комиссия ЦК РКП (б) и Совета обороны под руководством Ф.Э. Дзержинского и И.В. Сталина, которая должна была рассмотреть обстоятельства сдачи Перми, разобраться в причинах поражения и принять меры для укрепления фронта. Уполномоченные действовали очень жестко, не считаясь с тяжелым положением, в котором оказались люди, хотя и признавали, что снабжение и снаряжение частей было недостаточным, а в ряды красноармейцев по мобилизации попали солдаты, имеющие небольшие убеждения.

Комиссия пришла к заключению: положение усугубила недостаточная политическая работа, которую проводили «мальчишки-комиссары». Ряд военных работников, признанных ответственными за поражение, отдали под военный трибунал, других отстранили от руководства войсками. В тылу Третьей армии провели чистку: распустили партийные и советские органы Уральской области, посчитав необходимым укрепление политической работы в армии, усиление снабжения ее оружием, боеприпасами, обмундированием и живой силой. Результаты работы комиссии были использованы для дискредитации Л. Троцкого. Нелицеприятная информация о командовании Красной армии стала достоянием гласности.

Московская комиссия действовала диктаторскими методами, но именно такие решительные действия способствовали восстановлению боеспособности Третьей армии, укреплению Второй армии, что позволило усилить северное крыло Восточного фронта, не дав белогвардейцам прорваться к Вятке.

Большое внимание уделили и организации «красного тыла». Ф. Дзержинский и И. Сталин приняли участие в заседании представителей всех местных и эвакуированных с Урала советских и партийных организаций, на котором был сформирован Вятский военно-революционный комитет (ВРК) в составе пяти человек. Его возглавил председатель Уральского областного совета А.Г. Белобородов, а членами ВРК стали уральский окружной военный комиссар С.А. Анучин, председатель Вятского губернского исполнительного комитета С.А. Новоселов, член Вятского губисполкома и губкома РКП (б) П.П. Капустин и член Вятской губернской ЧК П.И. Малков [4]. Решениям ВРК как высшему органу советской власти стали подчиняться все местные советские и партийные организации.

Распоряжением Реввоенсовета Восточного фронта город Вятка с прилегающими окрестностями был объявлен укрепленным районом во главе с военным советом из трех человек. Командантом укрепрайона был утвержден В.К. Блюхер, а членами – С.А. Новоселов и В.Ф. Сивков. Военный совет обладал большими полномочиями по привлечению населения к оборонительным работам, изъятию необходимых фронту орудий и материалов, мобилизации бойцов в Красную армию. Во втором полугодии 1918 г. Вятская губерния дала фронту более 60 тыс. бойцов. Удалось наладить систему военного обучения. Однако значительная часть местных жителей, особенно крестьяне, не отличалась революционными настроениями и не торопилась встать в ряды защитников «социалистического Отечества» [5].

Массовый характер приобрело дезертирство по обе стороны фронта. Командование белых требовало от армейских частей аполитичности и беспощадной борьбы с противником [6]. Однако подобные призывы не возымели результата: солдаты ощущали себя «пушечным мясом» в вооруженном противостоянии, что их совершенно не устраивало, так как они не желали рисковать жизнью ради непонятных многим амбиций командиров. В приказе войскам Сибирской армии белых от 4 марта 1919 г. отмечалось: «В последнее время замечаются в больших размерах самовольные отлучки и дезертирство солдат из войсковых частей» [7]. В связи с этим военное руководство требовало немедленного возвращения беглецов, угрожая предавать не явившихся военно-полевому суду, по приговору которого расстреливать. Тому, кто укрывал дезертиров, грозили каторгой до 10 лет и конфискацией имущества.

Не лучше складывалась ситуация и в рядах красных. Заведующий агитационно-организационным подотделом политотдела Уральской дивизии Шендель 6 февраля 1919 г. в своем докладе указал, что большевистская агитация не давала результатов: «тормозом» в политической работе являлись многочисленные бытовые проблемы. Солдаты говорили, что у них «...нет рубашек, нет кальсон, нет мыла, нет бани, нет отдыха, нет шинелей и тому подобное. ... Мы устали, кто с первых боев находился на фронте, нам хочется просто после боя заснуть, поесть, на нас чесотка, всем нам нужно помыться в бане» [8]. Солдаты покидали позиции, беглецов никто

не останавливал, дисциплина в частях отсутствовала, население к бойцам относилось «скверно», солдатам не платили, «воинские части неорганизованно забирали у населения нужные последнему съестные припасы, не платя деньги» [9].

Красные, несмотря на трудности со снабжением армии, продолжали регулярные мобилизации на фронт. В первую очередь призывали членов партии. Однако на поверку не все коммунисты оказывались «пламенными революционерами». Некоторые из них пытались избежать отправки на фронт путем подачи заявлений о выходе из РКП (б).

Власти укрепляли армейские ряды: принимали меры по борьбе с дезертирством, переходя от агитации к методам репрессий. Практиковали и объявления недель добровольной явки дезертиров. Граждане, не явившиеся на призывные пункты, считались врагами народа и подвергались суровым наказаниям вплоть до расстрела. Революционным трибуналам и комиссиям по борьбе с дезертирством предоставлялось право конфискации имущества у лиц, уклонявшихся от службы в Красной армии. Вещи, отобранные у населения, передавали во временное пользование сторонников советского порядка. Граждане, считавшиеся виновными в укрывательстве дезертиров, подвергались властями следующим наказаниям: штрафам, привлечению к выполнению общественных повинностей либо к принудительным работам в хозяйствах красноармейцев, ушедших на фронт. Самым суровым наказанием являлся расстрел, применявшийся в основном по отношению к советским работникам, виновным в укрывательстве дезертиров [10]. Репрессивные методы дали результаты, но не решили проблемы пополнения частей.

Принимались меры по улучшению снабжения Красной армии продовольствием, с 1919 г. ввели централизованную систему продразверстки. Политика «чрезвычайщины» предполагала применение репрессий и неизбежно приводила к массовым нарушениям. Меры большевиков, направленные на привлечение середняков и пресечение злоупотреблений должностных лиц при сборе чрезвычайного налога, дали результат, предупредив возможные вооруженные выступления крестьян в тылу Восточного фронта.

Нелегким было положение и у белых. Перебежчики из народной армии сообщали об отчаянии солдат, которых били командиры и запрещали свидания с родственниками, а «советская литература настолько популярна, что за старый номер газеты дают 12 руб.» [11]. Подобные сведения приходили и из района Кунгура, где население проявляло обеспокоенность в связи с отступлением красных.

На правом фланге Восточного фронта Красная армия наступала. Во второй половине декабря 1918 г. Пятая армия освободила Белебей, Стерлитамак, Уфу. В январе Первая армия заняла Оренбург, в феврале – Орск. Четвертая армия 24 января вступила в Уральск. В январе 1919 г. советские войска в ходе Шенкурской операции ликвидировали угрозу прорыва колчаковцев на Котлас – Вятку. Однако Вторая и Третья армии не смогли вернуть утраченные позиции. Весной 1919 г. на большей части Урала продолжала господствовать армия А.В. Колчака. Армия белых в данном районе насчитывала 140 тыс. штыков, а красных – 85 тыс. штыков [12].

Противостояние оказалось затяжным: значительная часть бойцов да и население по обе стороны баррикад старались уклониться от борьбы, надеясь на мирное решение проблем, но этим мечтам не суждено было сбыться, в военные действия вовлекались все новые и новые силы, в том числе и мирное население. Особенно страдала молодежь призывного возраста, не имевшая ни жизненного, ни военного опыта, вынужденная в ходе принудительных мобилизаций идти воевать. На результаты противоборства повлиял и человеческий фактор: убежденность значительной части красноармейцев, находящихся под влиянием большевистской пропаганды, в своей правоте, их личная заинтересованность в победе позволили получить превосходство над противником, провозгласившим аполитичность борьбы, применявшим диктаторские приемы, объясняя их необходимостью спасения отечества от большевиков.

Ссылки:

1. Московкин В.В., Скипина И.В. Красная армия на Урале весной – осенью 1918 года // Вестник Ишимского государственного педагогического университета им. П.П. Ершова. 2013. № 2. С. 90–95.
2. Урал в гражданской войне / О.А. Васильевский. Свердловск, 1989. С. 134–136.
3. ГАСПИТО (Гос. арх. соц.-полит. ист. Тюмен. обл.). Ф. 4012. Оп. 12. Д. 5. Л. 1–2.
4. ГАКО (Гос. арх. Курган. обл.). Ф. 878. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
5. Там же. Д. 26. Л. 32.
6. ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. р-1196. Оп. 1. Д. 43. Л. 43.
7. Там же. Л. 230.
8. РГВА (Рос. гос. воен. арх.). Ф. 106. Оп. 2. Д. 121. Л. 65 об.
9. Там же. Д. 22. Л. 547.
10. ГАКО. Ф. 878. Оп. 1. Д. 20. Л. 104.
11. РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 22. Л. 575.
12. Скробов В.С. Военное поражение контрреволюции на Урале // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 157.

References:

1. Moscovkin, VV & Skipina, IV 2013, 'Red Army in the Urals in the spring - autumn 1918', *Herald Ishimsky State Pedagogical University. PP Yershov*, no. 2, pp. 90-95.
2. Vas'kovsky, OA 1989, *Ural in the Civil War*, Sverdlovsk, pp. 134-136.
3. GASPITO (State architect. Socialist-watered. Ist. Tyumen. Region.). f. 4012, op. 12, d. 5, l. 1-2.
4. GAKO (State architect. Kurgan. Region.). f. 878, op. 1, d. 1, l. 1.
5. GAKO (State architect. Kurgan. Region.). f. 878, op. 1, d. 26, l. 32.
6. SASR (State architect. Sverdlov. Region.). f. p-1196, op. 1, d. 43, l. 43.
7. SASR (State architect. Sverdlov. Region.). f. p-1196, op. 1, d. 43, l. 230.
8. RSMA (Ros. state. Military. Arch.). f. 106, op. 2, d. 121, l. 65 vol.
9. RSMA (Ros. state. Military. Arch.). f. 106, op. 2, d. 22, l. 547.
10. GAKO. f. 878, op. 1, d. 20, l. 104.
11. RSMA. f. 106, op. 2, d. 22, l. 575.
12. Skrobov, VS 2006, 'Military defeat of the counterrevolution in the Urals', *Russia and the Pacific*, no. 4, p. 157.